

ПОЛИТИКА «ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ

Три страны Европейского Союза – Германия, Франция и Великобритания – проводят активную самостоятельную политику в Центральной Азии. Несмотря на определенное сходство интересов и целей, имеет место существенная разница как в общих подходах, так и в конкретных аспектах региональной политики данных стран. В статье рассматривается специфика структуры интересов и целей центрально-азиатской политики каждого государства, ее географических и функциональных приоритетов в регионе, используемых инструментов внешнеполитического воздействия. Дается оценка результатов политики и перспектив ее развития. При анализе также учитываются особенности позиций конкретных правительств, сменявших друг друга в Германии, Франции и Великобритании на протяжении 1990–2000-х гг.

Ключевые слова: Германия; Франция; Великобритания; Центральная Азия; внешняя политика.

В Европейском Союзе традиционно задают тон три крупнейшие страны: Германия, Великобритания и Франция. Это касается и системы внешних связей Евросоюза, в которой первостепенное значение трех стран определяется наличием у них широкого круга двусторонних отношений, а также их весомой ролью в международных институтах. Анализ политики стран ЕС в Центральной Азии показывает, что и здесь значительно впереди европейская «тройка», чья общая позиция, основанная на комплексе общих интересов и целей, определяет вехи в формировании курса всего Евросоюза. В то же время не является удивительным тот факт, что имеет место существенная разница как в общих подходах ведущих европейских стран к Центральной Азии, так и в конкретных аспектах их региональной политики.

По такому параметру, как место региона в системе географических приоритетов, безусловно, Центральная Азия имеет значительно большее значение для политики Германии. На начальном этапе становления немецкой стратегии в регионе определяющими были два фактора. Во-первых, в рамках традиционно важной для Германии «восточной политики» немецкие власти проявляли особый интерес к процессам на постсоветском пространстве. Во-вторых, интерес Германии определялся наличием в составе местного населения большого количества этнических немцев с «чемоданными настроениями». Согласно последней советской переписи населения 1989 г. основная масса центрально-азиатских немцев проживала в Казахстане (957,5 тыс. чел.) и Кыргызстане (101,3 тыс. чел.). Небольшие группы насчитывались в Узбекистане (39,8 тыс. чел.), Таджикистане (32,7 тыс. чел.) и Туркменистане (4,4 тыс. чел.) [1. С. 13–17].

Германия, единственная среди стран ЕС, в течение 1992–1993 гг. открыла посольства во всех государствах Центральной Азии. Она также проводила активную «дипломатию визитов» и запустила самые крупные среди других европейских стран региональные программы помощи, нацеленные главным образом на Казахстан и Кыргызстан, в том числе для сдерживания миграции немецкого населения. Однако немцы в массовом порядке покидали страны региона, особенно в первой половине 1990-х гг. В настоящее время значимое количество немцев осталось только в Казахстане – 178,4 тыс. чел. по данным переписи 2009 г., что почти в два раза меньше, чем в 1999 г. (353,5 тыс. чел.) [2. С. 10]. Также следует отметить, что ни в начале

1990-х гг., ни в настоящее время из-за проводимой политики этнического национализма немецкая община не играет какой-либо экономической и политической роли в Казахстане. Происходил размыв постсоветского пространства, консолидировались модели политического и социально-экономического развития, в соответствии с которыми страны Центральной Азии по сравнению с другими государствами СНГ дальше всех отошли от европейских стандартов. Международные отношения в Центральной Азии усложнялись, особенно из-за роста влияния Китая. Однако активность Германии в Центральной Азии в 1990-е и 2000-е гг. только возрастала, обеспечив ей наиболее прочные позиции по сравнению с другими европейскими странами. Подобный стратегический выбор Берлина можно объяснить стремлением объединенной Германии укрепить свои позиции в новом международном порядке, значительно ослабленные в результате мировых войн и ограниченные в период «холодной войны». Нынешние позиции Германии в Центральной Азии – это ее внешнеполитический капитал, который используется для обеспечения различных политических, военных и иных интересов Берлина в мире, начиная с вопроса о постоянном членстве Германии в Совете безопасности ООН и заканчивая военным транзитом через страны региона для нужд немецкого контингента в Афганистане.

В основу немецкой политики в Центральной Азии был положен курс на развитие привилегированных отношений и поддержку двух ключевых государств региона: Узбекистана и Казахстана. В то же время если Казахстан является приоритетом Германии с точки зрения ее экономических интересов, Узбекистан считается опорой обеспечения интересов Берлина в области безопасности. С обеими странами поддерживается интенсивный политический диалог на разных уровнях (обычная для официального Берлина практика парных визитов высших должностных лиц в страны-партнеры была прервана после событий 2005 г. в узбекском Андижане). Казахстан и Узбекистан являются приоритетами глобальной политики Германии: ежегодные объемы помощи, по данным Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития, достигали в 2007–2009 гг. в среднем 31,9 и 29,6 млн долл. соответственно (из них на безвозмездной основе – 17,9 млн долл. в каждом случае) [3]. С 1995 г. Ташкент и Алматы стали приоритетами немецкой военной помощи, включая обучение в военных институтах Германии, оказание военно-технической

помощи и консультирование. В посольства были направлены немецкие военные атташе. Началось взаимодействие между министерствами внутренних дел при поддержке офицеров федеральной полиции Германии, размещенных на постоянной основе при посольствах.

Внимание западной прессы больше всего привлекает особый характер связей немецких политических кругов с официальным Ташкентом. Известно, что, во-первых, Германия – единственная из стран НАТО, кроме США, получившая право на постоянное военное присутствие на территории Узбекистана для поддержки операций в Афганистане. Во-вторых, несмотря на охлаждение отношений между странами Запада и Узбекистаном из-за андижанских событий и введения Евросоюзом санкций, за которые проголосовал и Берлин, Германия, некоторое время единственная из стран НАТО, сохраняла право транзита через узбекскую территорию и, кроме того, сумела договориться о дальнейшем использовании базы в Термезе. Все это свидетельствует об успехе немецкой дипломатии на узбекском направлении.

Официальный Ташкент рассматривает Берлин как один из ключевых каналов обеспечения своих интересов в отношении стран Запада в целом и Евросоюза в частности. Также известно, что Германия не прекращала военное сотрудничество с Узбекистаном в период действия санкций и была самым активным сторонником их отмены, что объяснялось либеральной западной прессой сугубо заинтересованностью Берлина в сохранении базы в Термезе. Такая трактовка представляется слишком упрощенной, не учитывающей общий курс Германии на консолидацию своих внешнеполитических позиций в регионе, что вряд ли возможно без интенсивных отношений с Узбекистаном. Важный элемент центрально-азиатской политики Германии, способствующий выполнению общей стратегической задачи, – это развитие тесных связей и со всеми остальными странами региона. При этом каждое направление имеет также свой специфический набор интересов. Для Киргизии это немецкое население (по данным переписи 2009 г., немцев осталось только 9,5 тыс. чел. [4]), поддержка демократических процессов в стране. В случае с Таджикистаном определяющими являются интересы в сфере безопасности, особенно борьба с наркоугрозой. Туркменистан интересен Берлину как новый, альтернативный поставщик газа.

В отношении каждой из стран Берлин проводит активную дипломатию. Германия является важнейшим среди трех европейских грандов торговым партнером для всех стран Центральной Азии, хотя объемы незначительны для германской внешней торговли. Программы помощи намного превосходят те средства, которые выделяют Франция, Великобритания и другие страны ЕС. И если Кыргызстан всегда входил в список приоритетных бенефициариев, то Таджикистан стал таковым с конца 2001 г., а в 2009 г. даже получил наибольший среди всех стран региона объем безвозмездной помощи (26 млн долл. против 23,5 млн Киргизии, 21 млн Узбекистану, 19 млн Казахстану и 2 млн Туркменистану). Малые объемы помощи Туркменистану – это скорее еще одно проявление общего курса Ашхабада на сдерживание внешнего влияния на внутренние

процессы в стране, нежели дискриминация со стороны Берлина. Собственно, туркменское направление остается самым слабым в центрально-азиатской политике Германии (как, впрочем, и в целом стран Запада) с точки зрения влияния, несмотря на декларируемый «привилегированный» характер двусторонних связей.

В целом курс на превращение стран Центральной Азии в лояльных внешнеполитических партнеров является предметом консенсуса основных политических сил Германии. Коалицией христианских и свободных демократов, действовавшей во главе с Г. Колем до 1998 г., были заложены основы региональной стратегии Берлина. Затем курс был продолжен коалицией социал-демократов и «зеленых» во главе с Г. Шредером. Правительства Коля и Шредера также объединяла сдержанная позиция в отношении роли Евросоюза в регионе: ЕС должен был реализовывать программы экономической помощи, тогда как прямое влияние на политические процессы и вопросы региональной безопасности считались скорее ответственностью ОБСЕ.

Иной подход был принят после формирования в 2005 г. «большой коалиции» в составе ХДС/ХСС и СДПГ во главе с А. Меркель и с Ф.-В. Штайнмайером на посту министра иностранных дел. Новая коалиция воспользовалась председательством Германии в Евросоюзе в первой половине 2007 г. и обеспечила принятие Европейским советом политической стратегии ЕС в отношении Центральной Азии, двукратное увеличение объемов помощи ЕС странам региона, более активное использование политико-дипломатических инструментов в региональной политике Евросоюза. Известно, что остальные страны ЕС занимали пассивную позицию в период разработки политической стратегии Евросоюза в регионе [5. С. 72]. В этой связи напористость Берлина выглядит как попытка «приватизации» центрально-азиатской политики ЕС, как стремление максимально использовать «марку» и ресурсы Евросоюза в целях укрепления собственных позиций в регионе, что имеет сходство, например, с позицией Франции в отношении политики ЕС на африканском направлении.

Нынешняя Германия, управляемая коалицией ХДС/ХСС и СвДП, вносит наибольший вклад среди стран ЕС в реализацию европейских инициатив под эгидой политической стратегии Евросоюза в Центральной Азии. В частности, Германия является координатором инициативы ЕС в области обеспечения верховенства права. Из немецких фондов развития финансируются региональные проекты в таких областях, как, например, управление водными ресурсами, развитие региональной торговли. Кроме того, актуальная задача для Берлина – укрепление позиций немецких экспортеров и инвесторов на казахстанском рынке, ослабленных в результате не только кризиса, но и наступательных действий конкурентов, в том числе из стран Евросоюза. В последние годы был активизирован экономический диалог между Берлином и Астаной. На это был также нацелен первый визит А. Меркель в Казахстан в июле 2010 г., во время которого было подписано около 40 коммерческих соглашений стоимостью больше 2 млрд евро [6].

В Туркменистане Германия лоббирует участие немецких компаний в освоении газовых месторождений. В 2009 г. немецкая компания «РВЕ» получила право на

освоение оффшорного месторождения в туркменском секторе Каспия. В то же время Берлин занимает сдержанную позицию в отношении проекта строительства газопровода «Набукко», в котором «РВЕ» владеет долей 16,67%. В мае 2009 г. в Ашхабаде состоялось первое заседание двусторонней межправительственной рабочей группы по вопросам бизнеса и торговли.

Специфика позиции Германии в отношении политических процессов и проблемы обеспечения прав человека в странах Центральной Азии – еще один козырь в политике, объясняющий ее более сильные позиции в регионе, чем у других стран ЕС. В двусторонних отношениях Берлин не склонен к излишней политизации вопроса, проявляет осторожность в официальной риторике, участвует в «тихих» коллективных демаршах стран ЕС по конкретным случаям, проводит встречи с оппозицией из стран Центральной Азии в эмиграции, но выступает против крайних мер типа санкций и в целом не жестко увязывает прогресс в этой сфере и объемы оказываемой помощи. Крупнейшие немецкие политические фонды – Фонд К. Аденауэра и Фонд Ф. Эберта – через реализацию проектов научного, образовательного, социального характера работают с государственными институтами стран Центральной Азии, а также с теми представителями неправительственного сектора, которые «не находятся в такой оппозиции к правительственным структурам, которая автоматически поставила бы сотрудничающие с ними фонды в положение противников правящих режимов» [7. С. 159].

Специфика политики Великобритании в Центральной Азии в том, что она смотрит на регион сквозь призму интересов в Каспийском регионе британских нефтегазовых компаний, а также компаний, специализирующихся на оказании услуг нефтегазовому сектору (финансовых, исследовательских, консалтинговых и т.д.), – лидеров британского, европейского и мирового бизнеса в целом. Уровень и степень интенсивности политических контактов, дипломатическое представительство, оказание экономической, военно-технической помощи и другие вопросы двусторонних отношений решались исходя главным образом из каспийских интересов Великобритании. В этой связи ключевым приоритетом Великобритании был и остается открытый для иностранных инвесторов Казахстан, переговоры с которым британские компании стали вести при поддержке официального Лондона еще до распада СССР. Для обеспечения своих интересов Великобритания даже пошла на такой шаг, как признание принципа секторального разделения Каспийского моря, чему противилась Россия, но за что ратовали власти Казахстана и Азербайджана, еще одного приоритета Лондона на Каспии.

Усилия консервативного правительства Дж. Мэйджора способствовали закреплению за британскими компаниями важных позиций в двух из трех крупнейших нефтегазовых проектов Казахстана: Карачаганак (в настоящее время компания «Бритиш Гэс» владеет 32,5% акций) и Кашаган («Шелл», 16,81%). В консорциум по освоению Кашагана входили также «Бритиш Гэс» и «Бритиш Петролеум», однако позже компании продали свои доли из-за изменений в корпоративной стратегии. Кроме того, «Бритиш Гэс», «Шелл» и «Бритиш Петролеум» одно время владели долями в нефте-

проводе «Каспийский трубопроводный консорциум», «Бритиш Петролеум» – долей в третьем крупнейшем месторождении Тенгиз через совместное предприятие российского «Лукойла» и купленной британцами американской компании «АРКО».

Лейбористское правительство Э. Блэра и Г. Брауна продолжало укреплять «стратегическое партнерство» с Астаной для обеспечения интересов не только нефтегазовых, но и других британских компаний. Ежегодные объемы экспорта услуг британских компаний в Казахстан значительно превосходят объемы экспорта товаров: около 900 млн ф. ст. в течение 2007–2008 гг. [8]. «Бритиш Аэропей» приобрела 49% акций национального перевозчика Казахстана «Эр Астана». Крупные казахстанские компании выбирают Лондонскую биржу для размещения акций. Для укрепления позиций было расширено дипломатическое присутствие в Казахстане, для лоббирования используются не только члены правительства, но и королевская семья. В отношении Астаны Лондон реализует самую крупную программу военной помощи, а военный атташе Великобритании в Казахстане – единственный представитель британского военного ведомства в регионе. За 2000-е гг. британо-казахстанские отношения «обросли» организациями официального и неофициального характера, обеспечивающими высокую плотность и многочисленные каналы взаимодействия (межправительственный Казахстанско-британский торгово-промышленный совет; парламентские группы по двусторонним отношениям; Британско-казахстанское общество под патронажем Герцога Йоркского и президента Н. Назарбаева; Каспийский информационный центр с участием депутатов британского парламента и др.).

С середины 1990-х гг. британская дипломатия разрабатывала туркменское направление каспийской стратегии, обеспечив получение компанией «Моньюмент Ойл энд Гэс» прав на разработку месторождений Туркменистана и поддерживая участие «Шелл» в строительстве экспортных газопроводов: транскаспийского или через территорию Ирана, что было неприемлемо для официального Вашингтона. Лондон в период своего председательства в ЕС в первой половине 1998 г. выступил посредником в переговорах между европейскими странами, чьи компании стали инвестировать в иранский нефтегазовый комплекс, и Вашингтоном, принявшими в августе 1996 г. закон д'Амато о санкциях в отношении любой компании мира, инвестирующей 40 и более млн долл. в нефтегазовую промышленность Ирана и Ливии. Провал проектов транскаспийских трубопроводов, противодействие иранскому маршруту со стороны США, осторожность Ашхабада в отношении доступа иностранных компаний к туркменским месторождениям, а также отказ Туркменистана поддерживать действия стран НАТО в Афганистане привели к серьезному спаду в двусторонних отношениях. После смерти С. Ниязова Лондон попытался обеспечить новый старт в отношениях, но пока британским компаниям не удалось получить лицензии на туркменские месторождения.

Узкий экономический подход определил сдержанную позицию Великобритании в отношении развития связей с другими странами Центральной Азии. Среди

них Лондон, конечно, выделял узбекское направление как имеющее наибольший потенциал. Отдельные добывающие (например, золотодобыча) и производственные секторы узбекской экономики привлекали британский бизнес. Так, в 1994 г. «БАТ Индастриз» приобрела контрольный пакет акций «Узтабак». При этом для обеспечения интересов в Узбекистане Великобритания не была склонна выделять количество внешнеполитических ресурсов, эквивалентное казахстанскому направлению, что заделало самолюбие узбекских властей. Только после 11 сентября 2001 г. с учетом значения Узбекистана для действий стран НАТО в Афганистане политика на узбекском направлении была пересмотрена. Великобритания разработала программу военной и военно-технической помощи Узбекистану, а также предприняла шаги для развития связей в других областях. Однако объемы экономической помощи выросли незначительно, экономический базис отношений скорее сужался, британская либеральная пресса и неправительственные организации, а за ними и Форин-офис продолжали резко критиковать Ташкент из-за ситуации с правами человека, а после событий в Андижане в мае 2005 г. Великобритания заняла крайне жесткую позицию и была одним из главных сторонников введения санкций Евросоюза, одобренных в период ее председательства в ЕС в октябре 2005 г. В результате двусторонние отношения были почти полностью заморожены до 2008 г., когда в рамках общего курса стран Запада началась нормализация британо-узбекских связей. Тем не менее узбекское направление остается слабым местом в политике Великобритании.

В отношении Кыргызстана и Таджикистана Лондон оставался пассивным до смены правительства в 1997 г. Тогда лейбористы провозгласили проведение «этичной внешней политики», под которой понимался акцент на правах человека и глобальных вызовах. Соответственно, больше внимания стало уделяться Кыргызстану как наиболее либеральному государству в регионе. С 1999 г. и до настоящего времени Бишкек является основным получателем британской экономической помощи. В 2007–2009 гг. ему было выделено в среднем 11,2 млн долл. в год. Таджикистан стал вторым приоритетом британской политики развития в Центральной Азии: 5,6 млн долл. ежегодно в течение 2007–2009 гг. [3]. Дополнительный интерес к Таджикистану – поддержка местных властей в борьбе с наркотрафиком. В 2001 г. Форин-офис объявил о намерении открыть посольства в двух странах, однако это было сделано только в Душанбе. В целом, несмотря на возросший интерес, оба государства остаются второстепенными направлениями центрально-азиатской политики Лондона.

Провозглашение этичной внешней политики имело следствием выступление Великобритании на саммите ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г. с инициативой создания в рамках организации механизма регулирования вопросов водоснабжения в Центральной Азии. Данная инициатива полностью провалилась из-за негативной позиции Туркменистана и Узбекистана, что объясняется не только сложностью проблемы, но и, видимо, несбалансированностью британо-узбекских отношений. С тех пор британская дипломатия предпочитает «не

высовываться», одновременно поддерживая, политически и материально, деятельность многосторонних институтов и других координационных механизмов в Центральной Азии, например, Центральноазиатского регионального информационного координационного центра по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (ЦАРИКЦ). Примечательно, что Великобритания не взяла на себя координацию каких-либо отдельных направлений реализации стратегии Евросоюза в Центральной Азии.

Новое коалиционное правительство Великобритании во главе с Д. Кэмероном, сформированное в мае 2010 г., взяло курс на укрепление позиций страны в «мире с сетевой структурой», в том числе через поиск новых экономических возможностей в странах Востока и Юга и создание собственных «пересекающихся сетей углубленных двусторонних отношений» [9]. Пока новый курс фокусируется на самых крупных странах мира и в Центральной Азии едва проявляется. В частности, ведутся переговоры на высшем уровне с властями Казахстана на полях международных форумов (например, саммита ОБСЕ в Астане в декабре 2010 г.). А с целью обеспечения интересов британской экономики с октября 2010 г. заработал Британо-туркменский совет по торговле и промышленности. Можно предположить в ближайшие годы некоторую активизацию Лондона в регионе, однако в рамках сложившейся каспийской политики.

Французские власти первоначально обнародовали амбициозную, сходную с немецкой программу развития связей с регионом Центральной Азии. Но как на начальном этапе формирования региональной политики, так и в дальнейшем Франция не была последовательна в своих действиях, что негативно сказывалось на результатах политики и подрывало позиции Парижа в регионе. Планы развития связей по всем страновым направлениям были вскоре пересмотрены в сторону сокращения, к середине 1993 г. был сформирован курс на укрепление отношений с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном как наиболее перспективными с экономической точки зрения и самыми важными в политическом плане странами региона. Именно в этих странах были открыты посольства, а президент Ф. Миттеран в ходе визитов в течение 1993–1994 гг. лично лоббировал интересы французских компаний, прежде всего нефтегазовых «Тоталь», «Газ де Франс», «Эльф Акитен», а также французских промышленных гигантов, ориентирующихся на выполнение так называемых «крупных контрактов» (сооружение объектов недвижимости и инфраструктуры, поставки и наладка промышленного оборудования «под ключ»): «Буиг», «Томсон», «Текнип» и др. Развивалась правовая основа отношений Франции с тремя странами, под крупные контракты выделялись государственные кредиты. В результате по объему товарооборота Франция хотя и оставалась далеко позади Германии, с 1994 г. стала уверенно обгонять Великобританию.

Однако размеры инвестиций оставались незначительными из-за просчетов французских компаний в выборе месторождений. Только «Тоталь» смогла закрепиться в консорциуме по разработке Кашагана, где

она в настоящее время владеет долей 16,8%. Динамика двусторонних отношений с Кыргызстаном и Таджикистаном оставалась слабой. Успехом французской дипломатии можно считать лишь результаты на туркменском направлении, достигнутые в том числе за счет решения Франции, единственной из стран ЕС, выступить спонсором резолюции 1995 г. Генеральной Ассамблеи ООН о «Постоянном нейтралитете Туркменистана», а также поддержки Парижем в случае экономической целесообразности иранского маршрута экспорта туркменского газа.

В 1996 г. Франция и Туркменистан подписали меморандум о стратегическом партнерстве, а французские власти стали называть Ашхабад важнейшим партнером в Центральной Азии. Была создана двусторонняя рабочая группа по энергоресурсам. Особые выгоды сближение Франции и Туркменистана принесло компании «Буиг», вошедшей в число основных иностранных подрядчиков туркменского правительства. Конкуренцию в Туркменистане французские нефтегазовые компании в конце 1990-х гг. проиграли американским и британским компаниям, однако, как известно, и те в итоге не смогли договориться с Ашхабадом о строительстве транскаспийского газопровода. Франко-туркменские связи пошли на спад. Рабочая группа была создана последний раз в ноябре 1998 г. С 2000 г. французские власти стали сокращать объемы помощи. Стратегическое партнерство было в результате скомпрометировано, а дипломатические успехи растеряны, что разительно отличает непоследовательные шаги Франции от действий Германии в отношении Узбекистана даже в кризисный «постандижанский» период.

Только в конце 1990-х гг. с учетом укрепления радикального режима талибов в Афганистане и обострения военно-политической ситуации в Центральной Азии Париж признал особое значение Ташкента с точки зрения региональной безопасности. С этого времени стали развиваться двусторонние военные связи, укрепляться отношения между органами внутренних дел, работать межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. Однако все это не позволило Франции, в отличие от Германии, добиться согласия Узбекистана на постоянное размещение контингента французских ВВС после 11 сентября 2001 г. Реакция Парижа на андижанские события была заметно более осторожной, чем британская, но в то же время более «принципиальной», чем германская. Париж поддержал санкции ЕС, свернул связи в военной сфере и политические контакты на высоком уровне, но не прекратил отношения в других областях. Объемы французской помощи после 2005 г. оказались лишь немного меньше докризисных. В результате отношения все-таки претерпели период охлаждения.

Более успешным стал поворот в политике Франции на таджикском направлении, имевший место также в конце 1990-х гг. Тогда активизировались двусторонние политические контакты, Франция взяла на себя роль проводника интересов Таджикистана в ЕС, выступая за возобновление программы «ТАСИС» в стране. После 11 сентября основной базой размещения французских военных в Центральной Азии стал аэропорт Душанбе. Было открыто посольство Франции, стали развиваться

связи между министерствами обороны и внутренних дел. Экономическая помощь выросла с начала 2000-х гг., однако продолжала значительно уступать даже британским показателям.

Двойственные результаты не всегда последовательной политики предшественников, неиспользованные возможности, конкуренция и более слабые позиции по сравнению с другими ведущими странами Евросоюза, особенно Германией, обусловили заметную активизацию Парижа в Центральной Азии после прихода Н. Саркози к власти в мае 2007 г. Дискуссии во французских официальных кругах начались еще в течение 2005 г. при Ж. Шираке, когда по поручению премьер-министра Ж.-П. Раффарена сенатор Э. де Монтескье, многие годы занимающийся странами Центральной Азии, подготовил комплексный доклад с оценками позиций Франции в регионе и предложениями по их укреплению. Однако тогда, с учетом событий в Кыргызстане и Узбекистане, время для новых инициатив оказалось неудачным. При новом президенте сенатор Э. де Монтескье был назначен специальным представителем президента по Центральной Азии.

Во-первых, был взят курс на укрепление позиций Франции в ведущих странах региона, прежде всего на казахстанском рынке, что было благосклонно воспринято Астаной с учетом задач экономической модернизации. С сентября 2007 г. была организована серия встреч на высшем уровне, включая государственный визит Н. Саркози в Казахстан 6 октября 2009 г., задействованы существующие двусторонние форматы и созданы новые, использованы иные дипломатические инструменты, как, например, желание Астаны быть председателем в ОБСЕ или обновить договорную базу отношений с Евросоюзом. Итогом стало подписание многочисленных контрактов, среди которых – о поставках 200 железнодорожных локомотивов компанией «Альстом», о закупке 45 вертолетов ЕС-145 министерством обороны Казахстана, об участии «Газ де Франс» и «Тоталь» в разработке месторождения Хволынское на севере Каспия. В 2009 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве в военной, военно-технической сферах и о военном транзите.

Претерпела коррективы политика Франции на узбекском и туркменском направлениях. Начиная с 2008 г. возобновился регулярный диалог между Францией и Узбекистаном на правительственном уровне с целью восстановления «отношений доверия». Идут переговоры об интенсификации экономических связей, однако значимых решений немного, например, покупка Узбекистаном 10 самолетов А320 компании «Эрбас». В отношении Туркменистана официальный Париж нацелен главным образом на поддержку «Буиг» и других строительных компаний с учетом нового строительного бума в стране после прихода к власти Г. Бердымухамедова, а также на обеспечение интересов нефтегазовых компаний «Тоталь» и «Газ де Франс». В феврале 2010 г. состоялся визит Г. Бердымухамедова во Францию, в ходе которого было решено учредить межправительственную комиссию по экономическому сотрудничеству по аналогии с существующими франко-казахстанской и франко-узбекской, а в ее составе – рабочую группу по энергетике. В последние годы объем

заказов «Буиг» в Туркменистане значительно вырос, обеспечивая, по данным французского МИД, около 50% всего оборота строительного подразделения компании и поспособствовав двукратному росту французского экспорта в Туркменистан в 2009 г. [10]. В то же время попытки президента Н. Саркози обеспечить доступ французских компаний к туркменским месторождениям пока успеха не имели.

Во-вторых, Франция стала играть «на поле» Германии, больше внимания уделяя реальным проблемам стран региона и используя для этого как двустороннюю, так и многостороннюю дипломатию, особенно институты Евросоюза. Франция совместно с Германией стала координатором инициативы Евросоюза в области верховенства права для Центральной Азии, инаугурация которой прошла в ноябре 2008 г. в Брюсселе. В целом Париж сделал регион одним из приоритетов своего председательства в Евросоюзе во второй половине 2008 г. Тогда под эгидой стратегии ЕС 2007 г. в отношении Центральной Азии Франция организовала также министерские конференции по безопасности (Париж, сентябрь 2008 г.), по управлению границами и борьбе с наркоугрозой (Душанбе, октябрь 2008 г.). Совместный визит глав внешнеполитических ведомств Германии Г. Вестервелле и Франции Б. Кушнера в Ош и в Бишкек в июле 2010 г. после известных событий на юге Кыргызстана (и первый визит французского министра иностранных дел вообще в истории двусторонних отношений) можно рассматривать как стремление Парижа закрепить роль Франции в координации европейской политики в Центральной Азии. Как и Великобритания, Франция является донором ЦАРИКЦ, а также занимает активную позицию в отношении деятельности ООН и ОБСЕ в регионе.

В декабре 2009 г. было открыто посольство Франции в Бишкеке, что сделало Францию второй страной ЕС после Германии, представленной во всех странах Центральной Азии. Объемы экономической помощи Франции с приходом Н. Саркози были увеличены. Кратно выросла помощь Таджикистану: 5 млн долл. ежегодно в 2007–2009 гг. против 0,3 млн долл. в течение 2001–2006 гг. [3]. В настоящее время Таджики-

стан – единственное место дислокации французских военных в странах Центральной Азии, после того как Парижу не удалось договориться с киргизскими властями о продлении пребывания французского авиаотряда в новом Центре транзитных перевозок в киргизском Манасе. Другие приоритеты программ экономического содействия со стороны Франции – Казахстан (3,3 млн долл. в течение 2007–2009 гг.) и Узбекистан (2,9 млн долл.). Помощь Туркменистану незначительна и эквивалентна объему британской помощи. Двусторонняя дипломатия Франции остается слабой по сравнению с политикой Германии и Великобритании с точки зрения выделяемых экономических ресурсов. Помощь Кыргызстану держится на сравнительно низком уровне – около 1 млн долл. ежегодно в 2007–2009 гг. Общие объемы французской помощи по-прежнему значительно ниже британской.

Судя по имеющимся данным, в течение 2010 г. деятельность Французского агентства развития, главного агента официальной французской политики развития, расширилась, однако ни регион Центральной Азии, ни отдельные страны так и не стали ее приоритетом. В целом в центрально-азиатской политике Германии, Великобритании и Франции отсутствуют некие особые интересы и позиции, которые бы существенно препятствовали выработке общего курса в рамках Европейского Союза. Одновременно наличие специфических интересов и разные акценты в общей структуре интересов определяют неодинаковый набор страновых приоритетов и разные объемы выделяемых ресурсов в региональной политике Берлина, Лондона и Парижа. Среди трех стран наиболее прочные позиции в Центральной Азии сохраняет Германия, движимая комплексом внешнеполитических, экономических, военных и гуманитарных интересов. Конкуренция за казахстанский рынок и доступ к ресурсам Туркменистана, обострившаяся между европейскими странами в последние годы, является неизбежным структурным аспектом, ослабляющим общую внешнюю деятельность ЕС, но не мешающим согласованию позиций и действий как внутри Евросоюза, так и в других международных форматах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Национальный состав населения СССР*. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991.
2. *Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги*. Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. Астана : Агентство Республики Казахстан по статистике, 2010. URL: http://www.stat.kz/p_perepis/Documents/Перепись%20пуч.pdf
3. *Organisation for Economic Co-operation and Development*. Development Assistance Committee. Development. Aggregate Aid Statistics. ODA by Recipient. URL: <http://stats.oecd.org/index.aspx?>
4. *Национальный статистический комитет Кыргызской Республики*. Национальный состав населения (по данным переписей населения). URL: <http://www.stat.kg/stat.files/tematika/демограф/Кыргызстан%20в%20цифрах/демо7.pdf>
5. *Schmitz A.* Efficiency and Its Costs: The “Strategy for a New Partnership” with Central Asia // *The Potential of the Council Presidency. An Analysis of Germany’s Chairmanship of the EU, 2007* / ed. by D. Kietz, V. Perthes. Berlin, January 2008. URL: http://www.swp-berlin.org/en/common/get_document.php?asset_id=4656
6. *Посольство Казахстана в Германии*. Федеральный канцлер Ангела Меркель совершила визит в Казахстан. 19.07.2010. URL: http://www.botschaft-kaz.de/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=229:2010-07-22-10-36-31&catid=1:home&Itemid=1
7. *Позорельская С.В.* Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике Федеративной Республики Германии. М., 2007.
8. *House of Commons Hansard Commons Debates (Daily Hansard)*. Written Answers. February 2, 2010. Overseas Trade: Kazakhstan. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmhansrd/cm100202/text/100202w0030.htm>
9. *UK Foreign and Commonwealth Office*. Our priorities. URL: <http://www.fc.gov.uk/en/about-us/what-we-do/our-priorities/>
10. *France*. Ministère des Affaires étrangères et européennes. La France et le Turkménistan. Présentation. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/pays-zones-geo_833/turkmenistan_467/france-turkmenistan_1248/presentation_5474/presentation_14981.html

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2012 г.